

Два брата

Сэтоши Мотидзуки

Странное состояние с высокой температурой и слабостью в теле продолжалось три дня, и все это время молодой человек в основном спал, лишь изредка выползая в столовую, чтобы хоть что-то поесть. С отцом он больше не виделся, но ему казалось, что тот после его откровений о боязни крови вообще не хотел не только разговаривать с ним, но и находиться рядом, предпочитая пропадать на работе. В часы пробуждения, когда голова не так сильно болела, он садился за стол и пытался что-то посчитать. Но как всегда ничего не получалось, и он уже начинал чувствовать свою никчемность. И ведь не с кем поговорить.

Вчера вернулся Джун, а сегодня он уже отвез тетю с подругами в салон свадебной одежды. Брат как всегда был при деле, и Сэтоши с огорчением заметил, что начинает ему завидовать. Наверное, у него действительно много есть от матери, нежели чем от отца. И он сам боялся своих мыслей, ведь это неправильно.

А ближе к вечеру ему стало легче. Он даже смог нормально поесть, но все равно чувствовал какую-то слабость в теле. И, поблагодарив мать, снова вернулся в свою комнату. Мать передала ему контакты психотерапевта, с которым договорился отец, и он посмотрел на эту бумажку, вернулся к рассматриванию отчетов. Работу никто не оменял.

Через два часа после того, как он начал заниматься отчетами, он незаметно для себя заснул, положив голову на руку, лежащую на столе. А на пол упала визитка психотерапевта..

Джун Мотидзуки

Возвращение домой далось Джуну нелегко. Пусть он и регулярно созванивался с матерью, узнавая все последние новости о семье, этого оказалось недостаточно, чтобы чувствовать себя комфортно, переступая порог родительского дома. Отец не сказал ни одного грубого слова, но, при этом, подозрительно на него косился, Сэтоши болел и больше походил на бледную тень, пару раз мелькнувшую перед его глазами, а мать хоть и старалась показывать, что все нормально, не могла разрядить тяжелую атмосферу всеобщего недопонимания. Поэтому, как только представилась возможность, Джун, сославшись на необходимость помочь Яреци и ее подругам, повез их в свадебный салон, планируя неплохо провести время, пока девушки будут выбирать себе наряды.

И он не ошибся. День действительно прошел в приятных прогулках и болтовне с парочкой старых приятелей и привлекательными особами женского пола, которых он возил по магазинам. И все было бы вполне прекрасно, если бы не необходимость возвращаться домой к людям, которых он очень любил, но на невысказанные вопросы которых совершенно не знал, что ответить, чем только усугублял собственное чувство вины за свой длительный отъезд и столь сухую встречу после разлуки.

И, несмотря на все переживания родителей, больше всего он чувствовал себя виноватым перед братом, понимая, что там, где он сам приобрел больше свободы, тот потерял остатки своей. Что, похоже, и сказалось на его здоровье, превратив физически достаточно крепкого молодого человека в свое потрепанное подобие. Поэтому, с большим сожалением отказавшись от встречи с одной старой подружкой, Джун решил вечером навестить Сэтоши в его комнате и попытаться разобраться, что довело старшего Мотидзуки до столь плачевного состояния.

- Сэто-ни, - постучал он в дверь, - я могу войти? - Он часто обращался к брату более чем неформально, хотя тот был старше его на пять лет, и ему это всегда прощалось. Сэтоши не выражал по этому поводу особых возмущений, мать лишь улыбалась, а при отце он всегда придерживался принятых правил, так что никто, как ему казалось, не оставался в проигрыше.

Так и не дождавшись ответа, Джун осторожно приоткрыл дверь и обнаружил брата, уснувшего прямо за столом. Хотел было подойти, но сразу не решился, ведь его сюда не звали. Да и они с Сэтоши никогда не были так близки, чтобы без приглашения врывать в его комнату и творить, что вздумается, поэтому Джун просто остался стоять в дверях, решая, что же делать дальше.

Сэтоши Мотидзуки

Ему снились какие-то неприятные сны, наделенные кошмарами и странными цифрами, которые стали кровавыми. А потом снова стало жарко. И ко всему этому прибавился стук в дверь, и почему-то он был отчетливым и громким. И, наверное, именно он вытащил его из сна.

Он дернулся и услышал голос младшего брата. Открыл глаза и поднял голову. Посмотрел на стену и протер лицо руками. Потом обернулся и увидел Джуна. Сейчас мозг хоть немного соображал, и он вспомнил, что хоть и видел брата, но так и не общался с ним. Ему вообще эти дни было неважно, когда именно он приехал, что рассказывал о поездке в Китай, как отреагировали родители его приезду. Хотя судя по множеству блюд на столе, самых разных, его появления ждали.

Он мотнул головой и снова протер лицо руками. Кивком головы указал брату на стул, а сам перебрался на кровать.

- Привет. Заходи. Извини, меня тут немного какая-то дрянь сразила. Но я рад твоему возвращению, - улыбнулся он.

Джун Мотидзуки

Не успел Джун определиться в своих дальнейших действиях, как Сэтоши продемонстрировал, что уже не спит и даже готов с ним немного пообщаться. И, пользуясь разрешением, младший из братьев занял предложенный ему стул, пытаясь припомнить, когда же сидел в этой комнате последний раз и, в итоге, остановился на варианте "очень давно".

- Да, я вижу, что ты совсем раскис. Тяжко было? - Взгляд Джуна скользнул по полу и зацепился за валяющуюся визитку, надписи на которой заставили его глаза на секунду расшириться. Не нужно было обладать могучим интеллектом, чтобы

предположить - психотерапевт, по неизвестным пока для него причинам, понадобился брату, о котором он, в своем эгоизме, вспоминал не настолько часто, чтобы регулярно звонить и интересоваться состоянием его дел.

- Извини, что бросил все на тебя одного, но у меня было не так много вариантов - либо монастырь, либо психушка, а может, что еще похуже.

Со свойственной ему тактичностью, Джун не стал задавать никаких вопросов, решив, вместо этого, показать, что не у одного Сэтоши имеются проблемы, требующие посторонней помощи. Причем, если разбираться, его случай мог оказаться похуже, поскольку излечиться от необычных способностей было невозможно, поэтому ему пришлось учиться с ними жить и даже использовать их во благо.

Сэтоши Мотидзуки

- Да нет, не особо, - он усмехнулся уголками губ и посмотрел на брата, пытаясь понять, что в нём изменилось. Что-то поменялось. Его не было семь месяцев. Он возмужал, повзрослел. - Меня гоняли по разным поручениям, а по вечерам отец подкидывал работу, с которой сложно разобраться. Мне как-то легче бегать по поручениям.

Наверное, если Джун вернётся в компанию, то от него, Сэтоши, наконец-то отстанут, позволив заниматься тем, что хоть и не нравится, но не приносит таких проблем, как заполнение финансовых отчётов. Он всегда был исполнительным, старался всё делать правильно, вовремя и качественно, но вот с математикой и всякими финансовыми формулами у него не сложилось. И хоть несколько дней назад отец сказал, что он может к нему подойти и спросить что-то, он сомневался в положительном исходе этого мероприятия. Отец наверняка снова назовёт его тупым, отнимет отчёты и отправит по очередному поручению.

Сэтоши где-то в душе понимал, что отец хотел видеть своим преемником Джуна, ну на крайний случай, его самого, что было маловероятно, и теперь, после всей этой истории с братом, Сэтоши не хотел, чтобы отец уж слишком сильно переживал из-за того, что старшему, неудавшемуся, сыну нравится что-то другое. Надо смириться, перестать болеть и оставаться на этом месте. И снова стать спокойным исполнительным работником, который хоть и имеет друзей, но не отказывается от всяких корпоративов...

- Ничего страшного, - слегка улыбнулся он, подумав, что никогда так не сидел с Джуном в комнате, разговаривая о жизни, судьбе, музыке и пионах. Хотя о музыке он не разговаривал ни с кем. По одной простой причине - отец как-то очень давно говорил, что мать Сэтоши была актрисой и умела играть на каком-то музыкальном инструменте. - Главное, что ты нашёл свой путь. Ты же нашёл? - Уточнил он.

Джун Мотидзуки

Хоть слова Сэтоши и должны были его успокоить, показав, что его отъезд серьезно не отразился на брате, Джун сильно сомневался в их полной правдивости. Да, скорее всего, в плане работы в компании за последние месяцы ничего не изменилось, а вот в том, что касалось общей атмосферы, он не был бы так уверен. Неплохо разбираясь в людях и прекрасно зная отца, младший из братьев легко мог

предположить последствия даже малейшего изменения в отлаженном годами механизме. Чего уж было говорить об исчезновении не винтика, а крупной детали, играющей важную роль практически во всех процессах.

- Да ладно, можешь не преуменьшать масштабы трагедии. Я же не дурак.

Джун внимательно посмотрел на брата, не зная, чего именно он хотел бы от него услышать в ответ. Они с Сэтоши никогда не делились особенно личными моментами, поэтому ждать откровенности было глупо. Хотя, в их прохладных отношениях во многом была и его собственная вина, поскольку он всегда находил десятки вещей, интересовавших его больше жизни и переживаний брата, что, с его стороны, являлось очень эгоистичным.

- Не уверен. – Пока о выборе одного единственного пути говорить не приходилось. Единственное, с чем Джун определился, так это с необходимостью принимать свои способности и учиться использовать их во благо. Во всем же остальном его будущее было покрыто туманом. Он плохо себе представлял возможность провести в монастыре всю жизнь, но и прекрасно понимал, что вернуться на год назад и жить, как раньше, уже не сможет.

- Но... не думаю, что снова стану частью компании. По крайней мере, в ближайшие годы.

Сам Джун сомневался, что вообще когда-нибудь вернется к прежней работе, но решил не проявлять категоричность, поскольку если его жизнь уже однажды перевернулась с ног на голову, никто не мог гарантировать, что она не выкинет подобный фокус еще раз, посмеявшись над всеми грандиозными планами.

Сэтоши Мотидзуки

- Ты же знаешь отца, - хмыкнул он, - но если не брать его, то мало что изменилось. А я... а что я... - он решил, что вот не надо просто так рассказывать брату о своём срыве, ведь он раньше никогда не позволял себе ничего подобного. Но о чём поговорить с Джуном? Чтобы не казаться холодным или, наоборот, навязчивым?

- В общем, справляюсь потихоньку, - ответил он после некоторых раздумий и посмотрел на Джуна. На лице было смущение, он не был уверен, что нашёл свой путь. Сэтоши его прекрасно понимал, ведь он тоже не нашёл ещё свой путь. И ему казалось правильным на неопределенное время отбросить свои мысли, поступки и желания и делать так, как говорят. Потому что он всегда делал так, как говорили.

Он опустил глаза и увидел упавшую на пол визитку психотерапевта, и его щеки покрылись румянцем смущения. Он обреченно вздохнул, поняв, что такой внимательный человек, как его брат, тоже увидел эту бумажку. И, наверное, стоит что-то пояснить? Но ведь о боязни крови никто не знает. Джун, конечно, не будет болтать, ему можно доверять, но вдруг кто-то случайно узнает об этом?

- Я понимаю, - просто ответил он, глядя на брата. - Ты отцу что-то говорил?

Джун Мотидзуки

И снова Сэтоши попытался показать, что все нормально и давление отца не мешает ему жить своей тихой и простой жизнью. Собственно, он всегда и был таким – послушным мальчиком, готовым ущемлять свои интересы и делать то, что говорит отец. Но время шло, и брат в его уже неюные годы считался мужчиной, поэтому ему стоило как-то пересмотреть свое мнение по этому вопросу и научиться находить в жизни что-то и для себя.

Сам Джун, естественно, никогда не перечил отцу, но он с самого детства научился выстраивать свое поведение таким образом, чтобы если и не получать желаемое в полной мере, то находить ему достойную альтернативу и, в итоге, все равно не оставаться в накладе. Поэтому, несмотря на внешние обстоятельства, его жизнь всегда была намного насыщеннее и разнообразнее, чем у его брата.

Смущение Сэтоши, тоже заметившего на полу визитку, не укрылось от его внимания, но Джун сделал вид, что ничего не произошло. Если брат сам не был готов говорить о своих проблемах, то он не имел права задавать ему личные вопросы. Тем более, сейчас ему самому хватало трудностей, которые предстояло преодолеть, чтобы отстоять право на самостоятельную жизнь.

- Пока не говорил. Но, мне кажется, он уже догадывается. Не думаю, что меня начнут спрашивать о планах до дядиной свадьбы, а вот после – это наверняка. Да мне и самому придется все объяснить, поскольку надолго задерживаться в Японии я не собираюсь. Я пока... пока еще недостаточно хорошо управляюсь со своими способностями и мне есть чему поучиться.

После случая с дядей Джун твердо для себя решил две вещи: уделить время физической подготовке, чтобы уметь постоять за себя и своих близких и научиться устанавливать контакт с духами, как и когда он захочет сам, а не ждать спонтанных трансов и видений, которых может и не быть. Ведь только при таком раскладе должно было исчезнуть отвратительное чувство беспомощности, зародившееся далеко в горах Тибета и прилетевшее вместе с ним в Японию.

Сэтоши Мотидзуки

Они никогда не были дружны, они всегда были разными, каждый жил своей жизнью, у каждого были какие-то свои принципы, сценарии, и никто из них не был вправе вмешиваться в жизни друг друга. Они были разные во всем, и это тоже было видно.

Когда-то давно он слышал теорию, что творческие люди слишком ранимы, чувствительны, даже в чем-то слабы. В жилах Сэтоши текла кровь женщины, которая театр любила больше, чем мужа и сына. Он не имел права ее осуждать, но ему было жаль отца. Тот достаточно скоро нашел новую женщину, и Мизуки приняла мальчишку своим сердцем. Она его называла сыном, он старался ее называть матерью. А потом появился Джун. Сэтоши интересовался всем, выполнял мелкие поручения и всегда все делал качественно и вовремя.

А потом он пошел в школу, где получил первую низкую оценку по математике. И тогда отец впервые назвал его тупым. Он пытался поговорить с отцом, но тот был занят. А потом снова был занят. И снова. А потом закончилась школа, институт остался позади, но он так и не нашел никаких контактов с математикой.

Он мотнул головой, отгоняя воспоминания, которые нашептывали плохое самочувствие и высокая температура. Вернулся к разговору с братом и вздохнул. Джун, несмотря на все свои страхи, казался бодрым и даже в чем-то счастливым. Он даже не знал, что ему посоветовать. Да и вообще - нужно ли сто-то советовать.

- Ты планируешь возвращаться в Японию? Или ты хочешь уехать совсем? - спросил Сэтоши после долгого молчания и посмотрел на брата. Потом бросил взгляд на визитку врача. - Мне отец предложил сходить к психотерапевту, он сам нашел врача. Но... давай мы пойдем туда вместе? - ляпнул он и хмыкнул. Правильно, кажется, он слышал, сто творческие люди слабые и ранимые.

Джун Мотидзуки

Какое-то время Сэтоши просто молчал, то ли обдумывая услышанное, то ли погружаясь в воспоминания, и Джун ему не мешал, предпочитая не нарушать установившуюся тишину. Он и сам не привык к подобным доверительным беседам, поэтому, хоть и стал инициатором общения, чувствовал себя немного непривычно, пусть и не испытывал никакого дискомфорта. В этом и заключался основной парадокс их отношений с Сэтоши - он чувствовал, что может сказать брату практически все, что угодно, но почему-то этого не делал, замолкая в тот момент, когда важные слова начинали рваться наружу.

- Я не знаю. - Сэтоши первым прервал молчание, но на заданный им вопрос Джун, к сожалению, не мог дать четкого ответа. - Понимаешь... - ему было трудно сформулировать свои мысли, - сомневаюсь, что смогу жить как раньше. Даже если я когда-нибудь вернусь в Японию на постоянное место жительства, это произойдет еще нескоро. Сэто-ни, я... могу связываться с духами и, как ты понимаешь, имея возможность в самый неожиданный момент провалиться в транс трудно сосуществовать с обычными людьми.

Джун понимал, что так или иначе ему придется объяснить семье, что с ним происходит, и брат как первая проба был одним из лучших вариантов, поскольку не стал бы реагировать на его признания столь же бурно, как отец.

- Да, схожу, почему нет. - Просьба Сэтоши застала Джуна врасплох, но он не нашел причины отказывать. Да и ему давно пора было вспомнить о братском долге, тем более, это не казалось ему чем-то неприятным и тяжелым в исполнении. - А ты тогда потом сходишь со мной выпить, - он усмехнулся, понимая, что никогда не пил с братом, если это не касалось семейных или корпоративных мероприятий. По женщинам он, конечно, пойти не предлагал, сомневаясь, что Сэтоши на такое согласится, хотя сам после длительного практически монашеского образа жизни был совсем не против приятного женского общества.

Сэтоши Мотидзуки

Сэтоши мало чего знал о способности брата. Только что-то про связь с духами и то, что плохо ему стало в Пекине, когда тётя ему показывала город, после чего он уехал в какой-то монастырь, о чём и уведомил отца. Это была вся история, которую он знал, и ему иногда хотелось позвонить брату и что-то узнать, но тот уехал в монастырь, и связи не было. И звонил Джун редко, да и то только матери.

- Да, наверное понимаю, - ответил он, глядя на него. Наверное, он не понимал, каково это иметь какую-то способность, но понимал, что нужно иногда что-то изменить в жизни. Если Джуну будет удобно, правильно и спокойно, уехав в Китай, но не пойдя по пути дяди Тору, который вообще отказался от семьи, наследства и не вспоминал семью до недавнего времени, то он, Сэтоши, постарается поддерживать его. Не будет на него обижаться. Хотя бы потому, что это глупо и по-детски. А они уже вроде как не дети, хотя что-то ему подсказывало, что отец до сих пор считает его и Джуну детьми.

- Но я постараюсь тебя поддерживать, - договорил он.

На его просьбу сходить к психотерапевту Джун не стал ничего спрашивать, и Сэтоши благодарно кивнул ему. Он хотел рассказать о своих страхах, но не знал, будет ли это уместно. Ведь наверняка Джуну тяжелее, страшнее, чем ему, а он пытается завладеть его вниманием. Наверное, надо просто подождать. Хотя на предложение Джуну потом посетить какой-нибудь бар ответил кивком. Кто знает, может быть это что-то даст? Может благодаря выпивке они сблизятся?

Он протёр лицо руками и накинуд на плечи плед. К температуре добавился озноб, и он забрался с ногами на кровать, чтобы было как-то теплее.

- Скажи, ты это... до своих способностей боялся чего-то? Такое, чтобы увидел что-то и впал в ступор?

А о таком они вообще никогда не говорили, и это показалось молодому человеку очень странным. Он вздохнул и опустил голову.

Джун Мотидзуки

Реакция Сэтоши показала ему, что он сделал правильный выбор, начав разговор о своих способностях именно с брата. Начни он с отца, так желание что-то объяснить у него наверняка испарилось бы практически сразу, поскольку Мотидзуки Шотаро никогда не относился к числу понимающих людей. Но, к счастью, он сам и его брат многое впитали от матери, которая пусть и была для Сэтоши неродной, сделала для него больше, чем иная мать для своего собственного сына.

- Спасибо за поддержку. — Джун понимал, что если ему удастся воплотить в жизнь то, что он задумал, брату станет еще тяжелее, чем сейчас, поскольку на его плечи лягут связанные с работой в компании вопросы. Он догадывался о желании отца подготовить младшего сына на свое место, оставив Сэтоши в помощниках, и теперь, когда план финансового директора окончательно разваливался, следовало ожидать серьезных последствий для психического здоровья некоторых членов семьи Мотидзуки.

- В ступор... Не припомню такого. — Станный вопрос брата, уже в третий раз с момента его появления в комнате удивил Джуну и вызвал нехорошие подозрения по поводу характера проблемы, заставляющей идти Сэтоши к психотерапевту. — В детстве я боялся темноты, после того, как мальчишки из начальной школы рассказали мне несколько страшных историй, но с возрастом это прошло. И в

следующий раз я стал чего-то сильно бояться, когда из-за своих способностей решил, что схожу с ума. Но ты ведь не просто так меня об этом спрашиваешь?

Джун внимательно посмотрел на брата, пытаясь понять, что творится в его голове. С чувствами все было достаточно очевидно, поскольку они прекрасно отражались на лице, а вот какие мысли стали их причиной – это, наверное, сейчас заботило Джуну сильнее прочего.

Сэтоши Мотидзуки

- Мне кажется, сейчас начнутся проблемы в семье, но не думаю, что отец не смирится в конце концов с твоим решением. По крайней мере, лично мне не кажется это таким уж страшным... твоё решение не продолжать семейный бизнес.

Он усмехнулся, представив, что делал бы отец, услышав от него такие слова, но ему было все равно. Он не был ни Мотидзуки Шотаро, ни Мотидзуки Рэном, он был Мотидзуки Сэтоши, который ценил и уважал решение младшего брата, хоть и не хотел этого. Да, с отъездом Джуну будет намного тяжелее, но он справится. Он будет пытаться разобраться с этими отчетами, математическими формулами и цифрами. Может быть у него это получится...

Он мотнул головой и выслушал Джуну. Брат когда-то боялся темноты, но это был обычный страх, все в детстве боялся темноты. Сэтоши, кажется, помнил какие-то рассказы мальчишек про то, что в темноте кто-то живет. Он усмехнулся. А вот про страх с открытием способности Сэтоши не знал, как реагировать. Поэтому просто промолчал.

- Да, не просто так. У меня... я некоторое время назад видел не очень хорошую сцену. Человека сбила машина, было много крови. Никто не знает об этом, но я несколько дней не спал и почти ничего не ел. Я хотел поговорить с отцом, но ты его знаешь, у него всегда дела. А мать... - он не хотел разговаривать с матерью, так как она переживала из-за отъезда сына, и он считал неправильным заставлять ее разбираться с проблемами. - Потом это прекратилось, но пару дней назад я встретился с Яреци-сан на набережной. Она порезала палец, и меня накрыло... я тогда уже начал заболевать, и даже потерял сознание на несколько секунд.

Да, это была слабость - потеря сознания, и ему было до сих пор стыдно. Он замолчал и посмотрел на брата.

Джун Мотидзуки

Джун был склонен согласиться с братом в том, что отцу так или иначе придется смириться с его решением и отпустить его обратно в Китай на неопределенный срок. Конечно, он был готов навещать родных, но жить здесь на постоянной основе, получить, наконец, экономическое образование и каждый день ходить на достаточно скучную работу... Если еще год назад это казалось Джуну единственной возможной реальностью, то теперь он понимал, что она ни в какое сравнение не шла с тем огромным загадочным миром, краешек которого ему удалось зацепить за последние месяцы.

- Надеюсь, что смирится. Я уже совершеннолетний и вполне могу определять свою

судьбу сам. Как, собственно, и ты.

Он бросил взгляд на брата, пытаясь понять, задумывался ли тот когда-нибудь о подобной возможности или верил, что все подчиняется желаниям отца. Да, не будь Мотидзуки Шотаро, да и всех остальных членов семьи, вложивших силы в семейный бизнес, они с Сэтоши не могли бы себе позволить и половины из имеющегося. Но, относительная финансовая свобода оказалась для них тюрьмой, до настоящего времени забирающей свободу выбора и принятия решений.

Рассказ брата о его страхах заставил Джуну крепко задуматься. Он не сразу нашелся, что ответить, понимая всю бессмысленность попыток проявить сочувствие и поражаясь искренности брата, который, похоже, хотел поделиться хоть с кем-то, поскольку проблем оказывалось больше, чем он был в состоянии переварить.

- Понимаю... Настолько, насколько это возможно. И, если честно, даже не знаю, что тебе посоветовать. Сам недавно видел очень кровавую картину и не могу сказать, что смог ее забыть. Но, наверное, на все нужно время.

Джун был бы рад избавиться от образа падающего перед ним дяди с дыркой от пули в грудной клетке, но это было совсем непросто. Видение, которое, к счастью, не реализовалось в реальности полностью, время от времени возвращалось и усугубляло чувство собственной беспомощности, ставшего постоянным спутником Джуну после того рокового дня.

Сэтоши Мотидзуки

Отец ему недавно в очередной раз сказал, что он находится на таком месте, на котором должен находиться, и Сэтоши не хотел с ним спорить. Потому что это, во-первых, не привело бы ни к чему кроме ссор и непониманий, а во-вторых, Сэтоши старался не перечить отцу. Он никогда не шел против его воли, но, вероятно, это было совсем неправильно, и он должен был что-то сделать. Как-то объяснить ему свою позицию. Наверное, не так, как это сделал несколько дней назад. Он тогда сорвался, да еще и при тете.

Он мотнул головой и прислонил ладонь к своему лбу. Снова поднялась температура, а может просто руки были горячие. Он обнял руками согнутые в коленях ноги и уткнулся в них подбородком.

- А надо ли нам определять свою судьбу? Мне отец сказал, что я на том месте, на котором должен быть. Нас никто не спрашивает, чего мы хотим. И хотим ли?

Он хмыкнул, а потом посмотрел на брата, который задумался над его откровением о слабости.

- Спасибо, что выслушал меня. Мне стало как будто легче. И... извини, если загрузил своими проблемами. У тебя своих, наверное, еще больше.

Он слабо улыбнулся.

Джун Мотидзуки

Рассуждения Сэтоши пахивали чрезмерным смирением, но Джуну это не удивляло. Брату доставалось даже больше, чем ему самому, отчасти из-за его родной матери, к которой отец испытывал очень противоречивые чувства. А еще из-за того, что он был старшим, а значит, на него накладывалась большая ответственность, чем на него самого, хотя Джун считал подобные представления пережитком прошлого.

- Пожалуй, начать нужно как раз с того, чего мы хотим, - он усмехнулся, вспоминая, как еще недавно рассуждал примерно так же как его брат. - Отец и сам не всегда слушался деда, следуя своим желаниям.

Джун не стал продолжать и говорить о том, что главный "бунт" Мотидзуки Шотаро был связан с его женитьбой на матери Сэтоши, поскольку в их семье это являлось закрытой темой. Но брат, наверняка и сам прекрасно понял к чему он клонит.

- Ну, сейчас все намного лучше, чем было. - Джун ненадолго прикрыл глаза, но быстро открыл их снова, боясь в очередной раз увидеть картину произошедшего не так давно побоища. - Со своими способностями я смирился и даже понял что от них может быть польза. Дядя... - он почувствовал, что должен ответить брату откровенностью за откровенность, - я видел его смерть. Но мы смогли это изменить, и теперь он жив, и скоро мы сможем поздравить его на свадьбе.

То, что дядя сейчас был здоров и полон сил, Джун не считал только своей заслугой. Все, кто так или иначе участвовал в спасательной операции внесли свою лепту, позволяя сохранить семью Мотидзуки именно такой, какой она была, но именно после того случая он начал иначе относиться к способности налаживать контакт с духами, понимая, что она могла оказать реальную помощь не только ему, но и близким ему людям.

Сэтоши Мотидзуки

Сэтоши болезненно поморщился, когда Джун заикнулся про отца. Брат перестал говорить, но молодой человек прекрасно понял, что он хотел сказать. Историю любви Шотаро и Нэтсуми знали все, она была прекрасная и чистая, но все были против этого. А потом мать просто не выдержала давления и ушла, когда ему, Сэтоши, было всего полтора года. Его воспитывала тётя Фуэми, а также бабушка, а потом появилась Мизуки, которая впоследствии стала его второй матерью. Он спрашивал у отца про свою мать, но всегда наталкивался на стену. А потом перестал спрашивать, решив, что всё равно не узнает правды. А ещё он узнал, что члену семьи Мотидзуки нельзя быть сентиментальным.

Когда-то, лет в десять или двенадцать, он завидовал Джуну, что у него есть оба родителей. Но Мизуки находила время и для него, делая его жизнь чуть краше, чем она могла бы быть. Он не был уверен, что у отца к мачехе точно такие же чувства, как у него были к Нэтсуми, но больше никогда не спрашивал об этом, боясь нарваться на грубость или холодную стену. И неизвестно даже, что тяжелее и больнее - грубость или стена. Наверное, всё-таки стена.

Молодой человек вздохнул и снова мотнул головой, откидывая свои мысли. Ему не хотелось вспоминать это, да и, если честно, вспоминать было нечего. Он даже не

помнит её, так рано она его бросила. Помнит что-то смутное. Её голос. Где-то в глубинах сознания, далеко-далеко, в самом тёмном углу. спрятан её голос. Интересно, чем она занимается сейчас. Вспоминает ли о нём? Вряд ли. Как он знал, театр был для неё важнее, чем семья и ребёнок.

Но если бы она осталась, то не было бы Джуна.

- Да, нужно знать, чего именно мы хотим, - ответил он после долгого молчания. А потом Джун тоже решил разоткровенничаться. Сэтоши его выслушал молча. а потом чуть не спросил "расскажешь", но вовремя себя сдержал. Наверное, это не для посторонних ушей. И ему казалось, что это действительно страшно. - Может, не надо смиряться со способностями, а надо научиться жить с ними? Как я понял, у нашей тёти тоже есть какие-то способности, и мне показалось, что она научилась с ними жить... по крайней мере, она смогла мне в тот день, когда мы встретились, снять воспаление, и я даже смог немного поработать.

Джун Мотидзуки

Сэтоши слушал внимательно, и на его лице явственно проступало желание узнать подробности. Но рассказывать о произошедшем было непросто, и Джун не знал с какой стороны подойти к этой теме и стоит ли это вообще делать, поэтому решил начать со способностей.

- Для меня «смириться» и «научиться жить» это примерно одно и то же. — Он ненадолго помолчал, вспоминая, как трудно ему было принять факт своего отличия от обычных людей. — Да, Яреци-сан тоже совсем не простая девушка. Она умеет вещи, которые мне и не снились, но, оказалось, что и этого может быть недостаточно.

Джун снова замолчал, прикидывая, стоит ли продолжать. Ему хотелось с кем-нибудь поговорить о недавних событиях, и брат был для этого вполне подходящим кандидатом. Он никогда никого не осуждал и не был склонен к драматическим преувеличениям, да и не стал бы так сильно из-за всего переживать, как мать, поэтому после некоторых колебаний Джун все же решился коснуться этой скользкой темы.

- Не так давно мы с Яреци попали в плен, из которого нас вызволяли дядя, его рыжеволосая подруга, приехавшая вместе со мной на свадьбу и еще парочка обитателей монастыря. И незадолго до того, как произошла стычка, я впал в транс и увидел дядину смерть от пули. Как ты понимаешь, не самое приятное зрелище, особенно когда твое видение начинает повторяться в реальной жизни...

Джун остановил свой рассказ и с мрачной ухмылкой уставился на сомкнутые в замок пальцы рук. Продолжать не хотелось, но он понимал, что начав, должен был договорить, как бы тяжело ему не было подбирать правильные слова.

Сэтоши Мотидзуки

Когда Джун начал рассказывать о том, что с ним случилось, он подумал, что вряд ли хотел бы об этом узнать. Наверное, на его лице слишком отчетливо отразилось желание что-то узнать, но он не думал, что это будет так тяжело. Он пожалел о

своем решении.

- Спасибо тебе, за доверие. Я... даже не знаю, что сказать. Но ведь ничего не случилось? По дяде не видно, что с ним что-то произошло. Да и Яреци-сан не выглядит, что с ней что-то произошло, - сказал он.

Он нахмурился, вспомнив, что пару дней назад он, проснувшись, слышал голоса в кабинете отца. Точнее, один голос, молодой тети, но он не подслушивал никогда чужие разговоры, хоть и иногда очень хотелось. Но сейчас очень отчетливо были слышны всхлипы эмоциональной тети. И ему казалось, что с ними случилось что-то страшное. Он не был уверен, что хотел это знать.

- Знаешь, это все странно, - он усмехнулся и посмотрел на брата, - мы никогда так раньше не сидели вместе и не разговаривали так. Может только в далеком-далеком детстве. Так что спасибо тебе за доверие.

Он подумал, что если Джун покинет Японию и уедет в Китай развивать свои способности, ему станет как-то одиноко. Но он вернется к работе, будет дальше выполнять поручения и стараться разобраться с этими отчетами и формулами. Вот только будет как-то скучно и одиноко, но ничего. Он никогда раньше не был душой компании, ему нравилось одиночество.

Джун Мотидзуки

Глядя на брата, Джун понял, что слушать его рассказ так же тяжело, как ему самому говорить, но, так или иначе, следовало закончить свою мысль, раз он уже взялся откровенничать.

- Ну как... Случилось. Дядю действительно ранили, но я успел его толкнуть, и рана оказалась не смертельной. Точнее, стала такой благодаря помощи Маргариты-сан, остановившей кровотечение и дотацившей его до монастыря, а потом и тамошних врачей. Они неплохо его залатали, даже шрама не осталось. А Яреци... Она старается держаться, хотя, не думаю, что она обо всем забыла. Никто из нас не забыл...

Джун решил не говорить о том, что случилось с людьми, взявшими их в плен. Сэтоши, наверняка, хватило кровавых историй, а ему самому стало немного легче, поскольку он смог облечь в слова хотя бы часть обуревавших его эмоций. Да и семейное воссоединение не стоило превращать в попеременное утирание друг другу слез и соплей, пусть они и были братьями и могли предстать друг перед другом не в самом приглядном виде.

- И тебе. - Джун усмехнулся на замечание брата. - Наверное, мы стали взрослее и умнее. И, думаю, поддерживать семейные отношения по собственному желанию - это не плохо. В конце концов, окружающие нас люди могут меняться, а семья всегда остается семьей.

Общаясь с Сэтоши так, как не общался никогда раньше, Джун действительно подумал, что стоит уделять братским отношениям больше времени. У него было много приятелей, но не без кого из них в отдельности он сильно не скучал. А вот по

брату немного скучал, хоть так ему и не позвонил, за время своего отсутствия в Японии.

Сэтоши Мотидзуки

Джун продолжил говорить, и молодой человек снова не перебивал и внимательно его слушал. Это было больно слышать, но, скорее всего, брату было еще больнее все это рассказывать. Сэтоши в какой-то момент поморщился, представив растекающееся кровавое пятно. Прикрыл глаза и снова оказался в окружении окровавленных цифр, и вздрогнул.

Брат рассказал про магию, и Сэтоши, уже несколько дней назад столкнувшийся с ней, просто кивнул головой. Он помнил, что их юная тетя что-то делала, когда он потерял сознание. Ну как потерял - скорее была просто слабость, вызванная высокой температурой, к которой добавился вид крови. Он помнил какие-то странные ощущения, когда в разгоряченное сознание стало проникать что-то прохладное. Как будто мозг укутали холодным полотенцем.

- Это, конечно, жутко. Даже не знаю, что сказать, - молодой человек спустил ноги с кровати и поднялся. Пошатнулся от головокружения и ряби в глазах, и, подумав немного, подошел к брату и легонько сжал его плечо, показывая, что не предаст его доверие.

Он не знал, что сказать еще, поэтому просто стоял напротив Джуна.

Джун Мотидзуки

Брат пытался его поддержать, пусть все эти разговоры были совершенно не тем, чем ему хотелось бы разнообразить свой вечер. И Джун в очередной раз испытал по отношению к нему благодарность за все старания и искренность, с которой Сэтоши принимал все, что так или иначе касалось важных для него моментов.

Когда брата начало шатать, Джун хотел было его сразу остановить и оправить на кровать, но потом передумал. Сэтоши не был ребенком, он был мужчиной, способным принимать самостоятельные решения и отвечать за их последствия, а ему самому не стоило по отношению к нему вести себя, как заботливая мамочка, вспомнив, что именно он являлся в семье младшим сыном.

- Еще раз спасибо. Думаю, нам надо почаще разговаривать. - Он окинул брата взглядом и скептически покачал головой. - Жутковато выглядишь. Иди, отдыхай и поправляйся, чтобы к свадьбе дяди быть бодрым и здоровым. А я потом еще зайду. И, - он кивнул в сторону стола, заваленного финансовыми документами, плюнь пока на все это.

Посчитав, что разговор на этом можно закончить, Джун пожелал брату спокойной ночи и вышел из его комнаты. Он до конца так и не мог понять, что именно ему дал их разговор, но, однозначно, чувствовал себя лучше, чем до его начала и надеялся, что Сэтоши тоже смог вынести из их общения для себя что-нибудь полезное.

Сэтоши Мотидзуки

- Никогда не думал, что какую-то дрянь можно подцепить летом. Вроде летом никто не болеет, а тут меня приплющило конкретно. А может быть все одновременно навалилось... - проворчал он.

Джун был прав - им нужно чаще общаться. И пусть Сэтоши будет скучно и, наверное, одиноко без брата, особенно после этого разговора, в котором они оба показали себя с совершенно другой стороны, но он будет желать младшему брату только счастья и удачи. И всегда поддержит его. Если это будет в его силах.

Когда Джун покинул его комнату, он посмотрел на эти бумажки, финансовые отчеты, и сел за стол. Попытался что-то почитать, посчитать, но цифры поплыли перед глазами, а текст сопроводительного письма никак не читался. Молодой человек плюнул на все это и, последовав совету брата, решил лечь спать. До свадьбы оставалось еще три дня, и нужно поправиться.

Дойдя до кровати, он сел на нее, подумал, что надо умыться и привести себя в порядок, но так и не выполнил ничего из запланированного, так как сразу лег на подушку и заснул, завернувшись в одеяло.
